

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО ЛИТЕРАТУРЕ МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП

8 класс

Задание 1. Аналитическое задание. Прочтите тексты произведений (рассказ и стихотворение). Выберите и выполните только **ОДНО** задание из предложенных.

Максимальный балл – 70.

Вариант 1. Прочитайте рассказ В. Гроссмана «Старик» и **напишите отзыв об этом произведении.** Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Василий Гроссман

Старик

О старике Семене Михеиче говорили как о самом тихом человеке в селе. Он не пил, не курил, никогда не досадовал на соседей. Ни разу не слышали, чтобы он поругался со своей старухой. Голос у него был мягкий, тихий. И движения были мягкие, тихие.

Когда начали подходить немцы, кто-то из соседей стал собираться в партизаны.

— Диду, пошли в партизаны, — говорили ему шутя.

Но он отвечал:

— Это не моей души дело — стрелять да убивать.

— Ты за немцев, что ли? — спросил его сосед Федька.

— Какое там «за немцев», — отвечал Семен Михеич, — у них правды нет. Только какой из меня воин? Не та во мне природа. Мне лошадь кнутом ударить совестно. Сердце у меня мягкое.

Старуха Филипповна, заступаясь за мужа, сказала:

— Он же все с пчелами. Вот и стал такой тихий. Пчела не любит сердитого человека.

— Верно, не любит, — подтвердил старик. — Вот наш председатель Прокофий, — его пчела не выносит, шумный он, скорый.

Во время этого разговора подошел сам председатель. За поясом у него были две гранаты, за плечами винтовка.

— О чем разговор? — спросил он.

— Да вот, суровый ты человек, — сказал Семен Михеич. — А вот у нас в роду никто крови не проливал. Мать курицу зарезать боялась, соседок просила.

— Смотри, дед, — ответил на это председатель, — до немцев очень добрым не будь, ответишь за это перед народом.

И он пошел широким шагом вдоль по улице.

Старик только покачал головой, а старуха так обиделась на председателя, что даже сплюнула.

Немцы простояли в селе три месяца без двух дней. Сначала здесь прошли передовые части германской армии. Они ограбили село начисто. Бабы заходили в темные хлевы и плакали, вспоминая коров. Исчезали из хат полушубки, вышитые рушники, ватные кацавейки, одеяла, подушки. Днем бабы и старики собирались и проклинали немцев, перечисляли свои обиды.

Семен Михеич молчал, слушал гневные разговоры и вздыхал. Он пострадал от немцев не меньше других. Они разорили его любимые ульи, забрали запасы меда, пшеницы. Даже старинную кровать, на которой он спал долгие десятилетия, вывез на грузовике какой-то красноглазый унтер.

Вечером старики становились у икон и молились богу в темной пустой хате. Ночью старуха плакала, а старик утешал ее.

— Ну, что плакать! — говорил он. — Ведь это горе все терпят, весь народ страдает. Мы с тобой одинокие, старые, проживем как-нибудь.

В декабре приехал штаб немецкой дивизии. Квартирьеры выбрали лучший дом под железной крышей для генералов, согнали баб белить стены и мыть полы, а мужиков заставили мостить перед домом тротуар из красных кирпичей. Деду Семену приказали вымостить длинную кирпичную дорожку от двора до уборной на огороде. Унтер-офицер сердился, что Семен Михеич неаккуратно ладит дорожку, и два раза приказывал ему перекладывать кирпичи. Дед впервые в жизни выругался нехорошим словом.

В избе у Семена Михеича поселился врач. Это был худой человек с маленькой лысой головой. Семена Михеича и Филипповну выселили в холодные сени. Ночью они из-за холода не могли спать и слышали, как врач кричал каркающим голосом в телефонную трубку:

— Камышеваха! Камышеваха!

Он требовал вагонов для эвакуации раненых. Раненых и обмороженных было много, а поезда почти не ходили — партизаны разрушали пути. «Должно быть, Прокофий старается», — думал старик.

«Арцт»* кричал охрипшим голосом на приходивших к нему и то и дело вызывал денщика для разных поручений. Денщик боялся его до полусмерти. Каждый раз у денщика, заходящего в комнату, было такое страдающее, поблекшее лицо, что Семену Михеичу даже жалко становилось.

Врач приказал Семену Михеичу рубить дрова для печки. Ему нравилось слушать звуки топора. Иногда ночью он вызывал денщика и приказывал гнать Семена Михеича рубить дрова.

— Почему русский не работает? Русский слишком много спит.

И Семен Михеич рубил в темноте дрова под окнами у немца. Он стал сумрачен, молчалив, по несколько дней иногда не произносил ни слова. И вздыхать перестал. Глядел молча, как каменный. Старуха со страхом поглядывала на него: не спятил ли старик?

Однажды ночью он сказал ей:

— Знаешь, Филипповна, зверь сожрет, что ему надо, корову зарежет, улей разорит, — это бог с ним. А эти душу мою заплевали. Звери души не трогают.

Я думал, не люди они. А теперь вижу: и не звери. Хуже диких зверей.

— Ты помолись богу, легче будет, — сказала ему Филипповна.

— Нет, — сказал старик, — не будет легче.

... Темная туча страдания и позора нависла над селом. Казалось, пришел конец жизни, перестало солнце светить, нечем было дышать. Страшнее голода, страшнее холодных ночей в погребах и землянках, страшнее всего были душевные унижения.

Что происходило в эти дни в душе старого пасечника? Молча вставал он, когда «арцту» хотелось слышать ночью звуки топора, надевал шапку и шел рубить дрова. Гулко ударял топор по мерзлым поленьям. Иногда старик распрямлялся, чтобы передохнуть. Тогда к окну подходил дивизионный врач и поглядывал, почему не стучит топор. Через мгновение выскакивал из сеней денщик и испуганным голосом кричал:

— Рус, рубай, рубай, рус!

Как-то денщик, оживленный, шепнул старику:

— Генерал капут. Летел фронт. Рус та-та-та. Капут генерал.

Так и не дождались на этот раз немцы своего генерала.

Потом приехал из Харькова мешочник**. Он рассказывал о ценах на махорку, хлеб, горох, о сыпном тифе у немецких солдат и, склонившись к самому уху старика, тихо проговорил:

— Листовки есть и по радио слышал: идут красные обратно. Уже тридцать городов у немцев отбили. Скоро сюда придут.

Старик выслушал новости, пошел в погреб и, выкопав из земли банку меду, принес ее мешочнику:

— Возьми за добрые вести.

А однажды вечером прибежал денщик «арцта» и стал поспешно укладывать вещи.

— Цурюк, цурюк, — объяснял он и замахал руками в сторону Полтавы.

Пришли связисты и быстро сняли телефон. Стрельбы не было слышно, но немцы собирались, точно под огнем. Бегали по улице с полными руками вещей, падали в снег, кричали. А нескольких денщиков бабы видели плачущими. Они задыхались. Замерзшие пальцы не удерживали тяжелых офицерских чемоданов. Едва дойдя до

околицы деревни, они уже выбились из сил, а идти надо было пешком, степью. Машины стояли в снегу, без горючего, на санках уехали офицеры.

Старики, бывшие еще в первую германскую войну ратниками ополчения, объясняли бабам:

— Не иначе как наши зашли герману с тыла. . .

Ночью штаб дивизии ушел, и деревню заняли автоматчики. Заросшие рыжими и черными бородами, с облезшей шкурой на носах, со щеками, припеченными морозом, они разговаривали лающим языком и, выходя на улицу, пускали в воздух очереди из автоматов. Ночью приставали они к девушкам и молодым бабам.

На рассвете начался бой. Старики и бабы полезли в погреб. Оттуда слышны были пулеметные очереди. Ухали разрывы снарядов. Бабы вскрикивали, дети плакали, а старики степенно говорили:

— Ну, нечего гомонить. Это наши бьют из трехдюймовки.

А Семен Михеич сидел в погребе на опрокинутом ведре и думал.

— Что, Михеич? — спросил его старик Кондрат, имевший «георгин» еще за японскую войну. — Пришлось и тебе, тихому, бой послушать.

Михеич не ответил.

Бой разгорался. Стало греметь так, что бабы закрывали детей платками. И вдруг невдалеке послышался чей-то неясный голос.

— Наши, наши! — крикнула Галя Якименко. — Кто со мной пойдет?

— Я пойду, — отозвался Семен Михеич.

Она вылезла из погреба. Уже вечерело. Огромное солнце садилось в розовый от пожаров снег. Среди двора стоял красноармеец с винтовкой.

— Добрые люди, — сказал тихо он, — помогите, ранен я.

— Голубь мой родной! — крикнула Галя и бросилась к раненому. Она обняла его и торопливо повела к хате. Семен Михеич шел поодаль.

— Кровь вы свою за нас проливаете, голубчики наши! — говорила женщина. — Сейчас уложим тебя, обогреем.

Со стороны колодца послышалась стрельба. К дому подбежал немец-автоматчик. Он увидел раненого красноармейца и обнимающую его женщину и с ходу выстрелил. Боец вдруг отяжелел, начал опускаться на землю и выскользнул из рук пытавшейся удержать его женщины. Немец снова выстрелил. Галя Якименко повалилась на землю.

Семен Михеич не помнил, как очутилась в его руках тяжелая дубина. Никогда в жизни он не испытывал чувства, подобного этому. Гнев, грозный и жаркий гнев, очищающий от страшных унижений последних месяцев, гнев за себя, за других, за тысячи тысяч стариков, детей, девчат, женщин, гнев за поруганную врагом землю охватил его, как пламя. Он высоко занес над головой дубину и пошел на немца. Он шел, высокий, величественный старик пасечник с белоснежными кудрями, — живое воплощение Великой Отечественной войны.

— Халы! — крикнул немец и вскинул автомат. Но старик со страшной силой обрушил на него удар дубины.

В это время появились во дворе бойцы. Впереди всех бежал человек в черном кожухе, с гранатой в руке. Это был Прокофий, председатель колхоза. Он увидел страшную и грозную картину: тела убитых у дверей хаты, лежащего у порога немца и ярко освещенного пламенем тихого пасечника с дубиной в руке.

с. Лозовенька, Харьковской области. 1942

*«Арцт» - с нем. «врач, доктор»

**Мешочник — человек, занимавшийся скупкой, перевозкой вручную и продажей каких-нибудь товаров.

ИЛИ

Вариант 2. Прочитайте стихотворение М. Румянцевой «Баллада о седых» и напишите отзыв об этом произведении. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Майя Румянцева

Баллада о седых

Говорят, нынче в моде седые волосы,
И «седеет» бездумно молодость.
И девчонка лет двадцати
Может гордо седою пройти.
Но какому кощунству в угоду,
И кому это ставить в вину.
Как нельзя вводить горе в моду,
Так нельзя вводить седину.

Память, стой, замри! Это надо.
То из жизни моей — не из книжки...
Из блокадного Ленинграда
Привезли седого мальчишку.
Я смотрела на чуб с перламутром
И в глаза его очень взрослые.
Среди нас он был самым мудрым,
Поседевший от горя подросток.

А ещё я помню солдата.
Он был контужен взрывом гранаты.
И оглох... И навек онемел...
Вот тогда, говорят, поседел.
О, седая и мудрая старость.
О, седины неравных боёв.
Сколько людям седин досталось
От неотданных городов.
А от тех, что пришлось отдать —
Поседевших не сосчитать.

Говорят, нынче в моде седИны...
Нет, не мода была тогда:
В городах седые дымины,
И седая в селе лебеда.
И седые бабы-вдовицы,
И глаза, седые от слёз,
И от пепла седые лица
Над холмом поседевших берёз.

Пусть сейчас не война... Не война...
Но от горя растёт седина.
... Эх ты, модница, злая молодость.
Над улыбкой седая прядь...
Это даже похоже на подлость...
За полтинник седою стать.
... Я не против дерзости в моде,
Я за то, чтобы модною слыть.
Но седины, как славу, как орден,
Надо, выстрадав, заслужить!

Задание 2. Творческое задание.

Представьте, что вы приехали в незнакомый город. Как найти гостиницу, кафе и т.д.? Какие достопримечательности нужно обязательно посмотреть? Вот здесь и поможет волшебная палочка туриста — путеводитель. Это книжка, брошюрка или интернет-издание, которое помогает путешественникам ориентироваться в незнакомом месте или заранее подготовиться к путешествию.

Создайте путеводитель по вымышленному городу, населенному героями произведений А.С. Пушкина. Дайте название этому городу. Продумайте, какие герои проживают там, какие достопримечательности их окружают, какие опасности могут подстергать путешественников. Разработайте возможный маршрут, предложите, где они могут поесть и остановиться на ночлег. Какие сувениры в память о поездке путешественники могут привезти домой?

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Максимальный балл – 30.